

Георгий Владимов
ТРИ МИНУТЫ
МОЛЧАНИЯ

Роман

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
В57

Дизайн переплёта *Владислава Воронина*

В оформлении использован постер,
предоставленный кинокомпанией «СТВ»

Владимов, Георгий Николаевич.

В57 Три минуты молчания : роман / Георгий Владимов. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2023. — 477, [3] с. — (Кинобестселлеры).

ISBN 978-5-17-155416-3

Правдивое и захватывающее повествование о полном опасностей плавании и о людях моря, последних романтиках.

Рыболовное судно — плавучий дом для банды морских бродяг. Они все разные, но есть кое-что общее — желание взять улов побогаче, хорошо заработать, вернуться на берег живыми. Море изменчиво, и шторм — не главное испытание, которое ждёт команду корабля.

Специальное издание к выходу фильма Бориса Хлебникова «Снегирь».

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Владимов Г.Н., наследники
© ООО «Кинокомпания «СТВ»
© ООО «Издательство АСТ»

ISBN 978-5-17-155416-3

Оглавление

Глава первая
ЛИЛЯ

7

Глава вторая
СЕНЯ ШАЛАЙ

102

Глава третья
ГРАКОВ

226

Глава четвёртая
«ДЕД»

307

Глава пятая
КЛАВКА

385

Ты не Дух, — он сказал, — и ты не Гном.
Ты не Книга, и ты не Зверь.
Не позорь же доброй славы людей,
воплотись ещё раз теперь.
Живи на Земле и уст не смыкай,
не закрывай очей
и отнеси сынам Земли
мудрость моих речей:
что каждый грех, совершённый двумя,
и тому, и другому вменён.
И... Бог, что ты вычитал из книг, да будет
с тобой, Томлинсон!

*Редьярд Киплинг**

* Пер. с англ. А. Оношкович-Яцыны.

Глава первая

ЛИЛЯ

1

Сначала я был один на пирсе. И туман был на самом деле, а не у меня в голове.

Я смотрел на чёрную воду в гавани — как она дымится, а швартовые белеют от инея. Понизу ещё была видимость, а выше — как в молоке: шагов с десяти у какого-нибудь буксирчика только рубку и различишь, а мачт совсем нету. Но я-то, когда ещё спускался в порт, видел — небо над сопками зелёное, чистое, и звёзды как надраенные, — так что это ненадолго: к ночи ещё приморозит, и Гольфстрим остудится. Туман повисит над гаванью и сойдёт в воду. И траулеры завтра спокойненько выйдут в Атлантику.

А я вот уже не выйду. Я своё отплавал. И дел у меня никаких в Рыбном порту не было; просто завернул попрощаться. Посмотрю в последний раз на всю эту живопись, а после — смотаю удочки да и подамся куда-нибудь в Россию. В смысле — на юг.

Тут они являются, два деятеля. Вынырнули из тумана.

— Кореш, — кричат, — салют!

Оба расхристанные, шапки на затылке, телогрейки настезь, и пар от них, как от загнанных.

— Салют, — говорю, — кореши. Очень рад видеть.

А на самом деле — никакие они мне не кореши. Ну, с одним-то, с Вовчиком, я корешил недолго, рейса два сплавали вместе под тралом, даже наколками обменялись. У него на пальцах «Сеня» выколото, а у меня — «Вова». Ну, выколото, и ладно. А второго-то, пучеглазого, я вообще в первый раз видел. А он-то громче всего и орал. И с ходу лапаться полез мослами своими загребущими.

— Гляди, кого обнаружили! Нос к носу вышли — при такой видимости. Как это понимать, Вовчик?

«А так и понимать, — думаю, — что ты носом своим лиловым всегда кого надо обнаружишь. А раньше всего — денежного человека». Видно же, с кем имеешь дело — с бичами* непромысловыми. Которые в море не ходят, только лишь девкам травят про всякие там «штормяги» и «переплёты». Не портовым девкам, а городским. А все-то ихние «переплёты» — сползать раз в день отметить в кадрах, лучше всего — под вечер, когда уже вся роль на отходящее судно заполнена. Ну, и дважды в месяц потолкаться возле кассы, получить свои законные — семьдесят пять процентов. Чем не жизнь? И вечно они кантуются на причалах, когда траулеры швартуются и ребята на берег сходят с авансом. Тут они тебя прижмут — гранатами не отобьёшься. «Салют, Сеня! Какие новости? Говорят, в Атлантике водички поубавилось, пароходы килём по грунту чешут, захмелиться бы надо по этому поводу. Моряки мы или не моряки?» И знаешь ты их, как родных, а всё

* Происходит от английского «beach» — пляж, берег, морская отмель. «To be on the beach» — быть на мели, в отставке (*морской сленг*). Здесь и далее примечания автора.

равно — и поишь, и кормишь, потому что любому рылу береговому рад, и душа твоя просится на все четыре стороны.

— Что, — спрашиваю, — бичи? На промысел топаете?

— Какой теперь, к шутам, промысел? — пучеглазый орёт. — Не ловится в этот год рыбёшка. Научилась мимо сетки ходить.

— А ты почему знаешь?

— Осподи! Сами ж неделю, как с моря.

А море он в позапрошлом году видел. В кино. Потому что у нас не море, а залив. Узкий, его между сопками и не видно. А неделю назад я сам вернулся из-под селёдки, и этот же Вовчик меня на этом самом причале встретил.

Смутился Вовчик.

— Ну где ж неделя, Аскольд? Больше месяца.

— Да где ж месяц?

— А где же неделя?

Уйти бы мне от греха подальше, но, сами понимаете, интересно же — кто сегодня пришёл, кого в последний мой день принимают в порту, а верней всего у бичей узнаешь, можно к диспетчеру не ходить.

— Ладно, — говорю, — считаем: неделя без году. Кого встречаете, Вовчик?

— Своих трёхручъёвских, — отвечает мне Вовчик. А он, и правда, к женщине одной, инкассаторше, на Три Ручья* ездил. Трёхручъёвские ему, конечно, свои. — Триста девятый пришёл, «Медуза».

Ну, и пошёл, конечно, обыкновенный рыбацкий трёп:

— А куда ходили?

— К Жорж-Банке**.

* Три Ручья — район Мурманска, расположенный по другую от центра города сторону залива.

** Джорджес-Банка — обширное мелководье у берегов Канады.

- А что брали?
- Окуня брали, хека серебристого.
- И хорошо брали?
- Не сильно.
- Штормоваться пришлось?
- Что ты! Штиль всю дорогу, хоть брейся. Гляди в воду и брейся. Хотя, окунь-то, он в штиль не любит ловиться.
- Значит, и плана не набрали?
- Да почти что в пролове. Премия-то, ясно, накрылась. Ну, гарантийные получают, и коэффициенту набегит; под Канадой — там вроде ноль-восемь.
- Всё знают бичи: и кто куда ходил, и как рыбу брали, и кто сколько получит. Зато сами в пролове не бывают.
- Дак вот, плешь какая, — Аскольд опечалился. — Пришли ребята с Жорж-Банки, четыре месяца берега не нюхали, а их в порт не пускают. Локатор из строя вышел. Со вчерашнего дня и стоят на рейде, видимости ждут.
- Что ж, — говорю, — целее будут.
- Но это они умеют мимо ушей пропустить. Помолчали для вежливости. Вовчик спрашивает:
- А у тебя чего, отход на сегодня назначен?
- Нет, — говорю, — кончилась для меня эта музыка.
- Списали, значит?
- Зачем? Сам решил уйти.
- Что ж так?
- А вот так. Надоело.
- И документы забрал?
- За этим, что ли, дело — с тюлькиной конторой расчихаться?
- Н-да, — говорит Вовчик, — куда ж ты теперь пойдёшь?
- Не пойду, — говорю, — а поеду.
- На другое море?

— Люди, Вовчик, не только ж по морю ходят. И на сухом месте объякориться можно.

— Можно. Да смотря как.

— Ну, по крайней мере, не как у тебя, по-глупому: ни в море, ни на земле.

Аскольд стоял и помалкивал, губы развесив, как будто его не касалось. А Вовчика я всё же смутил. Да ведь он уже долго бичевал, пообвыкся в бичах, плюнешь в него — утрётся.

— Что ж, — говорит Вовчик, — тут грех отговаривать. Если человек решился. Может, захмелимся по этому поводу?

— Да захмелиться-то недолго...

— А что мешает? Монеты кончились? Вон, Аскольд пиджак может заложить, ты расчёт получишь — выкупишь.

— Монеты не кончились, Вова. Дураки, — говорю, — кончились.

За такие речи любой моряк дал бы мне по глазам. Но эти уже и забыли, когда и звались по-честному моряками, они только переглянулись, когда я сказал про монеты; Аскольд даже губу лизнул. А все деньги у меня при себе были, в платке, в нагрудном кармане, заколотые булавкой, — тысяча двести новыми. Всё, что осталось с последней экспедиции. Мы ходили под селёдку в Северное, к Шетландским островам, и рыба хорошо заловилась — иной раз по триста, по четыреста бочек в день брали — поуродовались, как карлы*, зато и премию взяли, и прогрессивку. И тридцать процентов начислили мне полярки**. А истратил я — на папиросы в лавочке, на лезвия, ну и долги по мелочам роздал, и матери по аттестату. Ну, приход свой,

* Это загадочное сравнение автор объяснить не берется.

** Надбавка к жалованью за само пребывание на Севере, по 10% за каждый год. Рассказчик, стало быть, отбыл три года.

конечно, отметил — рублей на полста. Но уж в кредит на плавбазах не взял ни на рубль, и на берегу ни одной стерве не перепало. Кончился для некоторых Сенька Шалай, списывается по чистой и аванса не просит.

Так вот, я и говорю им:

— Монеты не кончились. Дураки кончились.

— Как это понимать, Вовчик? — Аскольд понемногу обидеться решил, багровый сделался, глазища только на шапку не вылезли. — Это он, выходит, с матросами не желает знаться!

А Вовчик, друг мой, кореш, засмеялся и говорит:

— Он же шпак теперь без пяти минут, разве не слышал? Он теперь в Крым поедет, будет там на пляже придуркам травить, какая в Атлантике сильная погода.

Хотелось мне врезать ему, но ведь кореш всё-таки, да и я ему тоже не комплименты говорил, — раздумал и пошёл от них подальше. У меня в этот день была мечта — обойти все причалы, пароходы поглядеть, судоверфь, сходить на катере в доки на Абрам-мыс, везде побывать, где я бывал, откуда уходил в море или в ремонте стоял, нёс береговую вахту, — а теперь вот сразу и расхотелось. Потому что ещё кого-нибудь встретишь и не отвяжешься, такие пойдут беседы.

— Обожди-ка! — Вовчик мне крикнул. Так они и стояли на пирсе, но уже лица не увидишь, одни ноги свисали из тумана. — Значит, не повстречаемся больше? Так, что ли, кореш? А мне и подарить тебе на прощание нечего.

— Подари, когда будет, Аскольду.

— Он и сам тоже предлагает: подарить бы чего дураку. Чтоб хоть память осталась. А хочешь — мы тебе курточку сосватаем?

— Какую ещё курточку?

— Лопух, в чём же ты уедешь?

Подошли, и Вовчик меня взял за пальто, раздраил на груди.

— Срам! Девки на первом броде* засмеют. Ну, флотский! Ну, северный! Бостоном не мог обшиться, макен** позаграничнее нацепить. Жмётся вот, а себе же и прогадываешь. Где он, этот-то, с курточкой?

— Здесь он, — Аскольд куда-то рукой махнул. — Промеж пакгаузов ходит.

— Понимаешь, механичек тут один, с торгового, такого курта загоняет: ты во сне увидишь, проснёшься и опять скорей заснешь!

— Норвежеская! — пучеглазый орёт. Чем другим, а глоткой бог не обидел малого. — С мехом, понял, на подстёжке. Цветом не то вроде серенькая, а не то, понял, тёмненькая такая, в дымчик. Что ты! У спекулей разве такую достанешь?

— А он что, не спекуль? Торгаш*** этот.

— Ну где ж спекуль? — Вовчик мне доказывает. — Сотнягу просит. Можно считать, даром отдаёт. Ну, бывает несчастье у человека — купил, а не в размер. А на тебя, мы так прикинули, в сам раз.

А я, в том-то и дело, насчёт такой курточки давно мечтал. Сраму-то на мне не было, — вот уж на них срам, это точно! — а у меня пальто было велюровое, с мерлушкой, костюм коверкотовый, шапка тоже в порядке. Но всё моё — что на мне надето. Так и затаскать недолго, следить же за мной некому. А главное, во внешнем облике, как говорится, ничего у меня морского-то не было, один тельник полосатый под рубашкой. А всё-таки море меня видело, память должна же остаться!

— Чего раздумываешь? — спросил Вовчик. — Так он тебя и ждал, торгаш, с этой курточкой! Ну-к, стой тут на пирсе, никуда не беги...

* Брод — место, где бродят, знакомятся, гуляют, — бульвар, набережная и т. п. (сленг).

** Макен — макинтош, плащ.

*** Торгаш — моряк или судно торгового флота.

Прихлопнули меня по плечам, и нет их, растаяли. А я стою и жду. А потом думаю: лопух я, вот уж действительно! Доверился бичам, чтоб они мне барахло сватали. Ведь они четвертак за комиссию попросят, у них такой прејскурант, за прекрасные глаза ничего не делается. А нужна мне ихняя комиссия! Что я, сам бы не мог торговца этого повстречать? К тому же, на моих золотых, смотрю, уже два пробило, вот-вот стемнеет.

И снялся я с места, пошёл по причалам, под кранами, вдоль пакгаузов. Потом увидел — ни к чему всё это. Да и туман. Хороший я себе денёк выбрал для прощания! Но ведь его не выбираешь, проснёшься как-нибудь утром — или сегодня, или никогда! А почему именно сегодня, не надо и спрашивать. Как спросишь — так и раздумаешь.

И всё-то я знал в Рыбном порту, любую дорогу отыскал бы с завязанными глазами — только по запаху, по звуку. Вот я слышу: солёной рыбой уже не пахнет, а пахнет мороженым свежём, аммиаком, — это я на десятом причале, возле рефрижератора. Дальше — мочёными досками запахло, ручки стучат по железу, шофера матерятся, — тарные склады, двенадцатый причал, здесь контейнеры набивают порожними бочками. Ещё дальше — нефтяной дурман, и насосы почмокивают, — там уже тринадцатый, там топливо берут и воду.

Если бы я ещё лет пять проплавал, я бы и не это знал — чьи там гудки перекликаются, чья сирена попискивает — водолазов зовёт или сварщика, и как этого диспетчера зовут, который в динамик хрипит на всю гавань:

— «Чеканщик»! Включите радио, «Чеканщик»!.. Буксир «Настойчивый»! Переведите плавбазу «Сорок Октябрей» на двадцать шестой причал...

Но я, пожалуй, и так слишком долго плавал. Хватило бы мне и года. И ничего бы я такого не пережи-

вал. Уехал бы и как-нибудь прожил без моря. А может быть, и не прожил бы, — человек же про себя ничего не знает.

У Центральной проходной я оглянулся напоследок и ничего не увидел. Туман загустел — кажется, руку протянешь и пальцев своих не разглядишь.

Однако бичи меня разглядели. Совсем, бедняги, задохлись, но догнали у проходной. И с ними торгаш, с чемоданчиком. А я и забыл про них.

— Что же ты подводишь? — Аскольд кричит. — Мы к тебе со всем доверием, а ты и закосил. Как это понять, Сеня?

Торгаш меня сразу глазами смерил.

— Этот, что ли? Напаялим.

Он в порядке был морячок — ладненький, резвый, шуба-канадка на нём с шалевым воротником, мичманка на месте, козырёк на два пальца от брови. Это мы, сельдяные, всё больше в пальтишках, в телогрейках. А торгаши себя уважают.

Мы отошли шага на два, за щиты с газетами, и тут он вытащил свою курточку.

Какая это была курточка! Просто явление природы, и более того. Поперёк груди — белые швы зигзагами, подкладка — сиреневая, скрипучая, карманы внутри на «молниях», и по бокам ещё два косых, белым мехом отороченных, и капюшон на меху, а от него до пояса «молния», а в плечах погончики вшитые с «крабом», без всяких там якорей, якоря — это старо, и рукава тоже мехом оторочены. А насчёт цвета и говорить не будем — как штормовая волна баллах при восьми и когда ещё солнце светит сквозь тучи...

— Сдохнуть можно, — пучеглазый чуть не навзрыд. — Эх, ты, мой куртярик!

— Ладно, ты, — Вовчик ему сурово. — Не куртярик, а прямо-таки куртенчик. Ты только руками не лапай, твоим он не родился.

— Ну, как? — торгаш говорит. — Тот самый случай?

Мне бы спросить, почём твоё сокровище, но так же не делается, так только вахлаки на базаре торгуются, надо сперва намерить. Я скинул пальто, дал его Аскольду подержать, а пиджак взял Вовчик. Курточка мне и вправду оказалась «в сам раз», ну чуть свободна в плечах. Но это ведь не на год покупаётся, я же ещё раздамся.

Они меня застегнули, прихлопали, поворотили на все стороны света, торгаш с меня шапку снял и свою мичманку мне надел, как полагается. Потом открыл чемоданчик — там у него в крышку вделано зеркальце.

— Не торопись, — говорит, — посмотришь подольше. Надо же знать, какое действие производишь. Акула увидит — в обморок упадёт.

Вид был действительно — как у норвежского шкипера. Только скулы бы чуть покосее. Рот бы чуть пошире. Глаза бы — не зелёные, а серые. И волосы без этой дурацкой рыжины. Но ничего не поделаешь.

— Сколько? — спрашиваю.

— Ну, если нравится, то полторы.

— Как «полторы»? Ты же сотню просил.

— За такую курточку, родной, не просят. За неё сами дают и говорят спасибо. Кто тебе сказал — сотню?

Бичи, конечно, уже по сторонам загляделись.

— А больше, — говорю, — она не стоит.

Торгаш моментально мичманку с меня стащил и куртку расстёгивает.

— Будь здоров, — говорит. — Привет капитану!

— Постой. — Я уже понял, что так просто мне с нею не расстаться. — Сколько, если для конца?

— Вот для конца как раз полторы. Для начала две хотел, но — засовестился. Вижу — идёт тебе.

Я потянулся было за пиджаком, а Вовчик уже, смотрю, вынул всю пачку, развернул платок и сам отмусоливает пятнадцать красненьких. Торгаш их перещу-